

УДК 8.81'373.45.811/811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-4-24-29

Гусейнов Г.-Р.А.-К.*Дагестанский государственный университет (Махачкала)***Мугумова А. Л.***Дагестанский государственный педагогический университет (Махачкала)***О ДИНАМИКЕ И ПЕРИОДИЗАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО
ВЛИЯНИЯ НА РУССКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) ЯЗЫК НОВОГО ВРЕМЕНИ
(XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Аннотация. Статья посвящена выявлению ранее не изученных закономерностей динамики и периодизации английского лексического влияния на русский (литературный) язык нового времени (XVIII – начала XX вв.). Установлено, что оно в различные периоды своего воздействия характеризуется тенденцией к усилению – от сравнительно небольшого числа слов, усвоенных к концу XVIII века, до полутора тысяч лексических элементов – к началу XX века. Отмечены предпосылки для более интенсивного воздействия английского языка на лексику русского языка в будущем XX веке.

Ключевые слова: динамика, периодизация, лексическое влияние, английский, русский языки.

G.-R. Guseinov*Dagestan State University (Mahachkala)***A. Mugumova***Dagestan State Pedagogical University (Mahachkala)***ON THE DYNAMICS AND PERIODIZATION OF ENGLISH LEXICAL
INFLUENCE ON THE RUSSIAN (LITERARY) LANGUAGE OF THE NEW TIME
(18TH – BEGINNING OF 20TH CENTURY)**

Abstract. The article focuses on the previously unexplored patterns in the dynamics and periodization of English lexical influence on the Russian (literary) language of the new time (18th – beginning of 20th century). It is established that in different periods, its impact tends to increase – from a relatively small number of words borrowed in the end of the eighteenth century, to about a thousand lexical items in the beginning of the twentieth century. The authors highlighted the conditions for more intensive influence of English on the Russian language's vocabulary in the future twentieth century.

Keywords: dynamic, periodization, lexical influence, English, Russian languages.

Вопрос об английских лексических заимствованиях до сих пор не утратил актуальности в русской исторической лексикологии. Несмотря на известный сравнительно высокий уровень его

© Гусейнов Г.-Р.А.-К., Мугумова А. Л., 2015.

изученности, появление новых подходов в интерпретации установленных его фактов [3; 10; 12], рассмотрение относящихся к предмету настоящего исследования явлений ещё не стало объектом специального анализа. Как следствие, одна из задач данной работы – систематизировать известные сведения об интенсивности английского (англоязычного) лексического влияния на русский (литературный) язык нового времени (XVIII – начала XX вв.) как в целом, так и на отдельных этапах его истории. Другая – соотносить в соответствии с целью данного исследования те или иные положения о периодизации рассматриваемого явления с интра- (времени вхождения англицизмов) и экстралингвистической (периодизации истории русского литературного языка в целом) точек зрения.

К числу вышеупомянутых новых подходов к интерпретации выявленных лексических заимствований русского языка, прежде всего английских, относится понятие траектории заимствования, важность учёта которой обусловлено тем, что «англицизмы являются этимологически гетерогенными системами в языках-реципиентах», и при их анализе разграничиваются язык-этимон, язык-посредник и язык-донор [3, с. 99]. Однако реализация этого методологического подхода была осуществлена сравнительно недавно и в ограниченных пределах – на материале соответствующих заимствований конца XIX – начала XXI вв. [12].

В свою очередь, в истории русского языка [7, с. 12] с одним из трёх традиционно выделяемых этапов наиболее интенсивного проникновения заимствований в русский язык соотносится

эпоха XVIII – XIX вв. С ней связываются западноевропейские усвоения и варваризмы периода интенсификации культурных и экономических связей с народами Западной Европы

При этом начало установления русско-английских взаимоотношений и соответственно усвоения сравнительно немногочисленных английских слов, которые приходили в русский язык вместе с товарами и понятиями, относится исследователями к XVI в. Более интенсивное проникновение английских слов в русский язык и соответственно второй период их усвоения имеет место в Петровскую эпоху [3, с. 96-97]. В рамках этого периода «англизмы занимают видное место в морской лексике», но в общем употреблении их немного, и полагают, что «возможно английское влияние на форму общегерманских слов (ср. *сквал, стандарт, шторм, стопор* и др.)» [1, с. 176].

Причём, как отмечают исследователи, «английский язык до конца [XVIII] века – источник прямых заимствований во флотскую терминологию». Лишь во второй трети века «появляется известное число англизмов в сфере общественного и частного быта (*клуб, воксал, пикник*), передатчик – французский язык». В последней трети века (по мнению других авторов, к концу века, когда английское влияние становится заметным и «в русском языке появляется даже слово *англоман*» [5, с. 168]) приток англизмов усиливается, и они появляются в сфере литературных и музыкальных терминов, науки, образования и воспитания. Отмечается и ряд прямых, но без языков-посредников, заимствований в уже упоминавшейся сфере общественного и

частного быта (*бифштекс, ростбиф, грог, рейдинкот, спенсер*) [1, с. 177].

Что касается последующей Пушкинской – до 30-40-х гг. – XIX в. – эпохи формирования норм, в том числе лексических, национального русского литературного языка того же нового времени, то авторы «Истории лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX вв.» отмечают заметное влияние английской культуры на разные слои русского общества, особенно дворянского, распространение английского языка. Как следствие, английские слова и выражения проникают в художественную литературу, а также «вводятся в разговорный язык высшего общества... В русский язык заимствуется ряд английских слов: *джентльмен, коттедж, колледж* и т. д.» [6, с. 37].

Не случайно именно к этому времени, точнее, к 20-м гг. XIX в., некоторые исследователи относят третий пик проникновения английских слов в русский язык [3, с. 97]. Затем в 30-40-е гг. XIX в. имеет место первая сильная волна лексических заимствований, начавшаяся в послепушкинскую эпоху – во второй половине 30-х гг. Она последовательно нарастает к середине века до 1860-1870 гг., когда наблюдается новая активизация их проникновения.

Главной же отличительной чертой этого периода – до 30-40-е гг. XIX в. – была, как известно, борьба карамзинистов и шишковцев, связанная с проблемой отношения к иноязычным заимствованиям, прежде всего, к западноевропейским, начало массового усвоения которых относится, как было уже отмечено, к XVIII в., продолжилось в XIX в. и в последующее (см. далее) время. Показательно, что, го-

воря об итогах этой борьбы, Ю.С. Соколин отмечает: «...Господствующей оставалась точка зрения пуризма. Теторетические позиции Шишкова были подвергнуты остроумной критике, были отмечены их наиболее уязвимые пункты, крайности и нелепости, но в целом эти позиции не были окончательно расшатаны, опровергнуты. Круг сторонников Шишкова был ещё широким, а его влияние сильным» [8, с. 51-52].

Вместе с тем в период 30-40 гг. XIX в., к которому (см. выше), как уже отмечалось, относится первая сильная волна лексических заимствований из (западно)европейских языков, многие иностранные слова становятся широко и постоянно употребительными. К ним относится обширный ряд заимствованных слов, первоначально тесно связанных с кругом философских понятий, которые затем становятся достоянием книжного языка.

К ним относятся: *абсолютный, доктрина, догматизм, дуализм, идеализм, критицизм, объект и объективный, рациональный и рационализм, реальный и реализм, синтез, эклектик и эклектизм, эмпирик и эмпиризм, энциклопедист и энциклопедизм* и др. Другую и ещё более обширную группу составили заимствования, связанные с выражением различных общественных и социальных понятий: *автономия, активный и пассивный, ассоциация, буржуазный, гуманный, дебаты, индустрия и индустриальный, конкуренция, культура, новатор, оппозиция, организовать (организовать), популярный, пресса, пролетарий и пролетариат, пропаганда, реабилитация, реакция, реформа, рутина, социальный, социализм и коммунизм, тенден-*

ция, утилитарный, цивилизация [см. 8, с. 66, 68, 69, 85].

При этом сравнительно с вышеприведёнными группами круг предметно-бытовой номенклатуры оказался относительно невелик: *абажур, блондин, бульдог, бутерброд, веранда, винегрет, витрина, декольте, клумба, комфорт, корсаж, крем, макинтош, мансарда, муар, одеколон, пальто, пахитоса (папироза), пеньюар, плед, плюш, портьер, раут, фат, флакон, шатен, экран*. Относительно невелик был и круг технических терминов, укоренившихся тогда же. Это группа слов, связанных с железнодорожным транспортом (*вагон, локомотив, рельс, шпала*), а также *аппарат, вентиль, цистерна* и др.) Из числа экономических и финансовых терминов отмечаются: *бюджет, брак, гарантия, рента, фермер* и др., медицинских – *малярия, маньяк, идиот* и т. д. [8, с.138, 139].

Специальные, в т. ч. статистические, сведения рассматриваемого характера практически отсутствуют и в отношении следующего периода – 60-70-х гг. XIX в. Причём в монографии Ю.С. Сорокина [8, с. 139] утверждается лишь, что по общему числу новозаимствованных элементов этот период несколько уступает 30-40-м гг. Вместе с тем этот известный исследователь отмечал, что в 30-90-е гг. XIX века английский вместе с немецким занимают второе и третье места по количеству заимствованных слов после французского, но значительно уступает ему. Основную массу заимствований составляют специальные термины или слова бытового характера [8, с. 163]. Усвоение последней группы слов, видимо, можно объяснить, если принять во внимание замечание Л.А. Булахов-

ского о том, что известное пристрастие к английскому языку в русском обществе того времени «основывается главным образом на отношении русских дворянских верхов к английской аристократии» [2, с. 220].

При этом к заимствованиям из английского языка относятся *бойкот, бокс, бульдог, бюджет, вагон, веранда, вокзал, джунгли, жюри, интервью, керосин, клозет, клоун, клумба, колледж, комфорт и комфортабельный, коттедж, крокет, лидер, макинтош, митинг, мюль, памфлет, пиджак, пойнтер, плед, поккер, пони, раут, револьвер, рельс, роббер, сеттер, скальп, смокинг, сноб, спич, спорт, текстиль, тоннель, флирт, чартизм, чек, чемпион, экспорт, юмор, янки* и др. Причём в отношении же некоторых из этих слов (*бюджет, вагон, веранда, жюри, памфлет* и др.) не исключается посредство французского языка [8, с. 163].

Следующим является этап с 70-х гг. XIX в. до 1917 г., датируемый другими исследователями, отмечающими тенденцию стабильного роста английских заимствований русского языка в XIX веке, концом XIX – началом XX вв. [3, с. 98]. Вместе с тем одни авторы полагают, что для данного периода было характерно усиление притока прямых английских заимствований, и он считается одним из важнейших в истории развития заимствованной лексики русского языка [6, с. 211]. Другие приходят к заключению, что его влияние было минимальным, так как основными языками-донорами выступали немецкий и французский языки [3, с. 98].

Лишь в отношении этого периода установлено на основе подсчёта данных одного из словарей иностранных слов русского языка конца XIX века,

что «только 237 из 528 (45 %) заимствований остаётся неотъемлемой частью словарного состава русского языка по настоящее время» [12, с. 21]. Причём для сравнения из числа известных на конец XX века англоязычных заимствований русского языка [см. 9] 1260 представляют собой прямые усвоения английских слов, 255 – опосредованные при одном посреднике и 44 – более, чем одним [11, с. 149].

Воздействие английского языка на лексику русского в данный период объясняется: 1) укреплением русско-английских связей перед I-й мировой войной; 2) известной англоманией русского дворянства; 3) литературными связями. Англицизмы занимают большое место в общем потоке западноевропейизмов и подразделяются на интернациональные: 1) общественно-политическая лексика (*бойкот, локаут, тред-юнион*); 2) бытовая и военная лексика (*бар, ватерируф, кодак, линолеум, лифт, стенд, трест, танк*); 3) спортивная терминология (*бейсбол (без-боль), боксёр, футбол, лаун-теннис, матч, рекорд, старт, трек, тренер-тренировать-тренировка, финиш, чемпионат*); собственно-русские культурные термины: *фильм – фильма, зафильмовать* «снять при помощи кинематографа». Английский язык оказывается посредником в передаче новых серий экзотизмов: 1) из языков американских индейцев: *томагавк/ томагук, тотемизм*; 2) из японско-китайской лексики – *рикша и дженрикуша* «японский двухколёсный экипаж». Увеличивается число вкраплений в источниках различных жанров, что свидетельствует о начальном этапе их проникновения в речевой обиход: *sleeping room, standard of life, business,*

hobby, bluff, skeletons (in the closet), ср. в «Анне Карениной»: «У каждого в душе свои *skeletons*». Отмечаются некоторые из признаков английских слов: *-инг (допинг, смокинг, шокинг* «девице ездить одной»); *-мен* (наряду с нем. и голланд.): *полисмен, спортсмен, рекордсмен, яхтсмен; дж-* (ср. *дженрикуша, джерси*) [6, с. 211-214].

Таким образом, английское лексическое влияние на русский (литературный) язык нового времени характеризуется тенденцией к усилению – от некоторых мореходных терминов Петровской эпохи и отдельных англицизмов других лексико-семантических групп к концу XVIII века до более чем пятисот лексических элементов к началу XX века. Его нижняя граница [см. 3, с. 98] приходится на период до конца 20-х годов прошлого столетия. Именно после этого времени возникли предпосылки для более интенсивного его воздействия на лексику русского языка в XX веке, когда уровень заимствования англицизмов (более чем полторы тысячи слов различного происхождения [см. 9]) вырос в 5-8 раз. Причина заключается в том, что английский язык (в эпоху перестройки в конце века) «становится доминирующим языком-донором» [3, с. 98, 104]. И сейчас, когда прагматика современных англицизмов приобретает глобальный характер [4, с. 103], следует иметь в виду, что предпосылки данного явления стали складываться в конце нового времени.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. 430, [1] с.

2. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Киев: 1957. Ч. II. 488с.
3. Володарская Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 96-118.
4. Гуророва Н.С. Заимствование как проблема экологии языка: иноязычия и риторический канон// Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 4. С. 98-106.
5. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. М.: Наука, 1981. 374 с.
6. Лексика русского литературного языка конца XIX – начала XX века. М.: Наука, 1981. 359с.
7. Программа дисциплины «История русского языка» для государственных университетов. М.: Изд. Московского университета, 1986. 41 с.
8. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е гг. XIX в. М. – Л.: Наука, 1965. 565 с.
9. Толковый словарь иноязычных слов: Ок. 25 000 слов и словосочетаний / Л.П. Крысин. М.: Русский язык, 2003. 856с.
10. Шарипова Н.Б. Функция языка и траектория заимствования // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2007. Вып. 1. С. 267-276.
11. Шарипова Н.Б. Модели траекторий заимствования//Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики. Челябинск, 2007. С. 146-149.
12. Шарипова Н.Б. Траектория англоязычных заимствований и их лексическое значение в русском языке (на материале лексикографических источников конца XIX – начала XXI веков): автореф. дис...канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 23 с.